

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-71-75

## ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В РАССКАЗЕ Г. ЯХИНОЙ «МОТЫЛЁК»: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

© Айгуль Салахова

## VOCATIVE FORMS IN G. YAKHINA'S SHORT STORY "A MOTH": LINGUISTIC AND CULTURAL ISSUES

Aygul Salakhova

This article deals with the features of vocative forms used in a literary text. Guzel Yakhina's short story "A Moth" was chosen as one of the most meaningful in terms of presenting culturally significant information (due to the combination of fictional and documentary narrative). The aim of the article is to identify and comment on linguistic universals and peculiar Russian (including Soviet) linguistic culture, which are realized in special forms of Russian anthroponymic appellatives in specific speech acts of address in the story. Methodologically, the article is of interdisciplinary character, because the author uses methodological tools based on the application of general scientific methods (modeling, interpretation) and specific methods (linguistic reconstruction of culture, language and culture commentary). Having analyzed the corpus of appellative words that forms a specific space of interpersonal communication in a literary text, the author highlights the features of the worldview and communicative stereotypes of the era, reconstructed in the literary text. We identify the reasons for the unproductive use of appellatives in the analyzed text by G. Yakhina, as well as the most frequently used anthroponymic units.

**Keywords:** literary text, Russian anthroponymic appellatives (vocatives), G. Yakhina, "A Moth", linguocultural studies

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить единицы корпуса антропонимических обращений в конкретном художественном тексте – рассказе Гузель Яхиной «Мотылёк», сопроводив их лингвокультурным комментарием, облегчающим понимание эксплицитно и имплицитно выраженной информации. Таким образом, исследовательский интерес обращен к лингвистическим универсалиям и уникальным моделям русской (в том числе советской) лингвокультуры, реконструированным в конкретных единицах художественной речи – формах русских апеллятивов в рамках речевого акта обращения. Следует отметить, что нарратив анализируемого текста Г. Яхиной отличается очевидным синтезом документального, художественного, фикционального и мифологического начал. Методологически статья носит междисциплинарный характер, поскольку автор использует методологический инструментарий, основанный на применении общенаучных (моделирование, интерпретация) и специфических (лингвистическая реконструкция культуры, языковой и культурологический комментарий) методов. Проанализировав корпус русских антропонимических апеллятивов, сформировавших специфическое пространство межличностного общения в художественном тексте, автор выделяет особенности мировоззрения и коммуникативных стереотипов, реконструируемых в художественном тексте. Выявлены причины непродуктивности употребления апеллятивов в анализируемом тексте Г. Яхиной, поскольку корпус отличается, прежде всего, крайней ограниченностью единиц. Кроме того, описаны наиболее частотные по употреблению антропонимические единицы, дана их классификация и определена функция внутри художественного мира произведения.

**Ключевые слова:** художественный текст, русские антропонимические апеллятивы (обращения), Г. Яхина, рассказ «Мотылёк», лингвокультура

**Для цитирования:** Салахова А.Р. Формы обращения в рассказе Г. Яхиной «Мотылек»: лингвокультурный комментарий // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 71–75. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-71-75

Гузель Яхина, неоднократно реконструируя в своих текстах конкретные фрагменты действительности: голод в Поволжье (роман «Эшелон на Самарканд»), жизнь этнических меньшинств в

эпоху становления СССР (романы «Зулейха открывает глаза», «Дети мои» и рассказ «Винтовка»), культурные коды многонационального города (эссе «Сад на границе»), словно пытается преодолеть фикциональность собственного художественного высказывания. Однако именно создаваемая писательницей художественная модель мира является выражением определенного культурного, художественного смысла, не замещающего мир реальный: с одной стороны, единство времени и пространства действия составляют основу прозаического сюжета, с другой – приобретают символический характер на уровне мотивов.

В рассказе «Мотылёк» перед читателями предстает фрагментарная картина жизни острова Свяжска 60-х годов XX века, эпохи несостоявшейся оттепели, когда герои продолжают свое существование в границах привычного им закрытого мира, поддерживая его ритуалы и эвфемизируя пространство вокруг себя. Используя способ не прямой и периферической номинации, Гузель Яхина обозначает место действия (*Остров*) и главного героя (*Мотылёк*). Избегая прямого указания на время, она косвенно указывает на период жизни на Острове главного героя (*недавно – семь или восемь лет назад* [1]), практически равный всей его жизни, что очевидно в хронике неудавшихся побегов с Острова: *Мотылек бежал отсюда шесть раз. Первый раз в семь лет... <...> Третий раз Мотылек бежал уже следующим летом, в свой день рождения, – ему исполнилось восемь*» [Там же]]. Хронотопу Острова в рассказе Г. Яхиной присущи отдельные утопические черты: например, изоляция физическими преградами (воды Волги и Свияги), подобно пушкинскому острову Буяну, даровавшему царевичу Гвидону символическое второе рождение и одновременно послужившему местом его изгнания. Основной же временной характеристикой является преодоление объективного времени на Острове (включая, например, организацию школьного процесса: *... она заканчивала восьмой класс. Мотылек – четвертый. Благодаря Острову они целый год учились вместе* [Там же]), онтологичность времени: *Ива росла у стены храмового подворья. Она была так стара, что, наверное, помнила то время, когда на Острове не было храмов.* [Там же]) и одновременно его конечность: *Время почти остановилось; Время замерло* [Там же].

В рамках настоящего исследования интерес представляют антропонимические обращения в рассказе «Мотылёк» Г. Яхиной, поскольку репрезентируют особенности межличностного вербального взаимодействия между персонажами

художественного произведения. Ключевой характеристикой данного корпуса следует признать его крайнюю ограниченность (16 единиц без учёта повторов и грамматических вариантов), а также отсутствие личных имён (онимов) как единиц прямой номинации, принятых в качестве традиционных апеллятивных форм. Кроме того, ни разу не использовано в качестве обращения прозвище главного героя «Мотылёк», вынесенное в заглавие и маркированное как личное: *Это внук мой, Митя. Мотылек по-семейному* [Там же]), как и другие формы личных имён, упомянутых (при обращении к деду Мотылька использовано грубое, безличное междометие *Эй...*) или упомянутых (учитель в классе использует традиционное для русской речевой культуры обращение по фамилии в речевой ситуации подчинения: *Аполлонова, не задирай юбку* [Там же] в рассказе).

Неоднократно упомянутый ранее лингвистический феномен «обращение» мы интерпретируем как коммуникативную единицу, обозначающую лицо через его значимые свойства, выделяемые адресантом речи. Следует подчеркнуть, что в эпическом художественном тексте (по сравнению с драматическим текстом) обращение как специфическая речевая форма, используемая с прагматической коммуникативной целью (назвать и призвать адресата речи к чему-либо), выполняет не только вокативную, но также и эмоционально-экспрессивную функцию. Последняя подразумевает реализацию речевого замысла говорящего, включая не только общение с целью передачи информации, но и такое, которое способствует «либо улучшению, либо поддержанию, либо ухудшению отношений собеседников» [2, с. 292]. При этом в художественном тексте экспликация интерперсональных отношений на основе рассмотрения лингвистического феномена «обращение» позволяет определить внутреннюю обусловленность связей в языковой и концептуальной картине мира, а также в индивидуально-авторской системе ценностей.

Анализ текста рассказа Г. Яхиной «Мотылёк» показал, что корпус антропонимических обращений неоднороден по признакам лексико-грамматической и функциональной отнесенности единиц. Так, были установлены следующие варианты: 1) этикетные обращения (3); 2) термины родства и гендерные обращения (3); 3) имена собственные (1); 4) обращения-классификации (1) и 5) обращения-характеристики (8). Как очевидно из приведенных выше данных, автор рассказа чаще всего использует обращение для выражения отношения к адресату речи, передавая тональность общения, присущую коммуникации

на Острове в целом. При этом наиболее частотные экспрессивные номинации представляют собой ситуативно мотивированные пейоративные характеристики адресатов речи, выраженные в грубой форме (обценная лексика). В соответствии с классификацией русской бранной лексики по функционально-тематическому принципу, предложенной В. М. Мокиенко [3], речевые единицы, использованные Г. Яхиной в качестве обращений-характеристик, относятся к следующим группам:

а) наименования лиц с подчеркнуто отрицательными характеристиками, включая качества «подлый, низкий человек» (*сволочь, гады*) и «ничтожный человек, ничтожество» (*мразь*);

б) наименования «результатов» физиологических отправления (*параша*).

Любопытным представляется и коммуникативное содержание троекратного повтора разными адресантами лексической единицы *сволочь*, обращенной первоначально к собственному внуку («*Сволочь*», – *лениво сказал дед внуку* [1]), а затем к коллегам по психиатрической лечебнице («*Искать, сволочи! Искать, гады!*» – *командовал низкий голос* [Там же]) и, наконец, к сбежавшему заключенному («*Ты здесь, с... политическая? – громко и отчетливо спросил тишину. – Ты здесь, сволочь под грифом «Ч»?! А ну выходи!*» [Там же]). По нашему убеждению, подобная пейоративная тавтология усиливает атмосферу всеобщего неуважения, затрагивающую семейные, профессиональные и социальные отношения. Любопытно, что в каждом из упомянутых случаев последующая бранная единица служит расширению дискурсивного пространства оскорблений: так, дед относит к провинившемуся внуку ругательства *мразь недоношенная*, семантика которого указывает на ничтожность и неполноценность самого объекта наименования (*мразь* от мерзкий, недоношенный, указание на физиологическую неполноценность), и *параша*, маркированного криминальной сферой употребления, включая перенос качеств табуированного отхожого места на человека. Ругательство *гады*, использованное в качестве обращения к коллегам, также представляет собой единицу бранной лексики со значением низкой оценки человека, основанной на метонимическом переносе негативной интерпретации качеств пресмыкающихся, принятой в христианской культуре. В последнем из приведенных выше примеров оба ругательства прямо указывают на причину негативного отношения – идеологический конфликт: *с... политическая* и *сволочь под грифом «Ч»*. При этом автором используются приемы, обеспечивающие экспрессивность речи: инверсия (в целях эмфа-

зы), при которой значимый в семантическом плане элемент высказывания выражен прилагательным в постпозиции; метонимия, также указывающая на политико-криминальный дискурс обстоятельств «дела под грифом» в отношении лица. Следует отметить также, что ругательное «с...» одновременно апеллирует к криминальному дискурсу, где соотносится с пренебрежительным отношением к предателю. Таким образом, Г. Яхина последовательно (за счет повторов) создает и усиливает атмосферу ненависти в замкнутом мире Острова, провоцируемую, прежде всего, характером несвободных отношений в пенитенциарной системе (включая религиозно-монастырскую систему средних веков до разнообразных форм уголовного преследования в XX веке). Языковые апеллятивы служат, с одной стороны, языковым маркером дискурса многовековой несвободы (история Острова), а с другой – эвфемизируют жестокость островного ритуала поимки беглеца (следует напомнить, что в первом случае пойманный – ребенок, а во втором разыскивают пациента психиатрической лечебницы).

Особого лингвостилистического комментария, по нашему мнению, заслуживают лексические единицы *олухи* и *бездари*, вложенные в уста мистического персонажа из сна Мотылька, которому адресуется обращение «государь» и описание которого прямо соотносимо с кинообразом Ивана Грозного из кинофильма С. Эйзенштейна. Таким образом, в повествование включается мифологический нарратив, реконструирующий прошлое, однако не в его документальной, но в фикциональной образности. Так, при описании фигуры, наблюдаемой якобы из ниши в стене, ключевые узнаваемые детали образа описаны Яхиной с использованием приемов киноязыка (далее названы в скобках): *...рука, держащая факел, костистая, длиннопалая, на каждом пальце по большому перстню* (крупный план); *Обилаг красного бархатного халата* (монтаж, деталь); *И, наконец, лицо: бледное, длинное, с торчащими буграми скул над жидкой темной бородой, с черными, вороньими глазами без век под кустистыми бровями. Соболья шапка с расшитой золотом маковкой съехала на затылок, открывая пряди немытых волос, расчесанных на прямой пробор* (длинный план); *Человек устало прикрыл глаза и пустил коня быстрее* (движение камеры (отъезд)) [Там же]. В пространстве своего рассказа «Мотылек», не усложняя фабульное действие, Г. Яхина стремится к усложнению хронотопа, умножая фикциональные (легендарный тайный ход, ведущий напрямую из Свияжска в Казань), исторические (основание Свияж-

ска во время похода на Казань Иваном IV Грозным) и художественные (дом деда Мотылька) пространства, реконструируя многослойность истории Острова. Однако и фикционально-историческое пространство из сна-видения Мотылька наполнено пренебрежительным и неодобрительным отношением к человеку: так называемый «государь», к которому обращаются за мудростью (*Рассуди ты, государь, кто из нас правее, <...> – Рассуди, будь милостив* [Там же]), без уважения называет собеседников *олухами*, пренебрежительно маркируя их невысокий интеллектуальный статус, прибегая к усилению негативной оценки за счёт апеллиатива *бездари* – авторского окказионализма И. Северянина (см. стихотворение 1912 года «Прощальная поэза (Ответ Валерию Брюсову на его послание)») [4, с. 177], условно соотносимого с речью XVI века.

Нейтральные обращения-характеристики, обусловленные действиями субъекта (Мотылька), принадлежат так называемым «рыбакам», доставляющим на Остров не только спасенного подростка, но и «груз», то есть сумасшедших и политических заключенных, содержащихся в психиатрической лечебнице. При этом антропонимические формы обращения к спасенному из волжских вод ребенку контрастируют с метонимическими номинациями, которые используются по отношению к людям, доставленным на остров по документам: *груз, Два тела. Одно мужского пола, второе женского, третье тело*. Вербальные маркеры живого / неживого, включая визуальный символический компонент образа (белый цвет одеяния), актуализируют античный миф о Хароне, мрачном лодочнике, переправляющем умерших в царство мёртвых на своей лодке. Таким образом, в самом начале повествования обращения-характеристики выполняют разграничительную функцию при атрибутировании центрального персонажа текста, отделяя «живого» от «мёртвых» и обозначая хронотоп иного, закрытого мира, отчужденного ритуальной эвфемией: *Это не наш груз – это ваш груз. <...> ... накладная. Растииштесь* [Там же].

Несмотря на прямое указание на родство главного героя – Мотылька – и его деда, термины родства не используются в качестве обращений-регулятивов, характеризующих речь взрослых и детей в сфере семейного общения (по терминологии В. Е. Гольдина [5, с. 93]). Основное количество подобных случаев употребления (5) (при адресации антропонимических апеллиативов к взрослым) в рассказе Г. Яхиной приходится на обращение к незнакомому взрослому при выражении просьбы и обещания. А. А. Брыкова утверждает, что «обращения дяденька и тетенька

становятся знаком нового детского речевого этикета» [6, с. 56] прежде всего в довоенный период истории СССР, однако и в описываемый в рассказе период служат признаком речевой достоверности художественного текста, который способен выступать в качестве ментального и социального конструкта, отражающего экстралингвистические факты в процессе межличностного общения.

Гендерные обращения, выявленные нами в тексте рассказа Г. Яхиной (1) в составе реплик неофициального характера (при назывании ребенка взрослым), призваны охарактеризовать иной, «цивилизованный» тип коммуникации с ребенком в большом мире, куда Мотылёк вырвался с Острова. Апеллиативы *мальчик* и *малыш* за счет частичного семантического совпадения в большей степени указывают на возраст адресата, нуждающегося в помощи. В этом же контексте использованы социально-статусное обращение *милиция*, выполняющее звательную функцию в тексте, и этикетное *товарищи*, последнее маркирует «взрослое» общение [Там же, с. 38–39]. Таким образом, в заключительной части рассказа, используя апеллиативы как языковые маркеры, автор отделяет мир Острова с его грубой бранью от мира города, где выбор конкретным участником коммуникации «того или иного этикетного обращения определяется не только требованиями потенциально неконфликтного общения, но и необходимостью обозначить социальные роли говорящих» [Там же]. Оттенки неодобрения, будучи негативной реакцией на поведение младшего (на Острове), и озабоченности в связи с его неожиданным появлением из люка в центре города позволяют установить контрастность миров, мотивированную в данном случае семантической и прагматической дифференциацией обращений-характеристик взрослых к ребенку в начале и в конце рассказа Г. Яхиной.

Таким образом, ограниченный не только масштабом эпического жанра рассказ Г. Яхиной «Мотылёк», но и семантика заточения и странного места, присущая хронотопу Острова в русской литературе, определяют ограниченность корпуса единиц антропонимических обращений. Однако эти причины ни в коей мере не определяют разнообразие единиц и их способность приобретать особые прагматические функции в художественном произведении, выступая маркерами лингвокультурного контекста.

Антропонимические обращения, с одной стороны, характеризуют персонаж с точки зрения его духовного (культурного и интеллектуального) развития, с другой – учитывая выполняемые ими в речи регулятивные функции (при выборе форм

обращений с учетом критериев возраста, пола, ситуации, психоэмоционального фона адресата), становятся инструментом оценивания в идейном противостоянии, способом давления в коммуникации.

Статистика частотности пейоративных форм обращения в речи обитателей Острова помогает реализации авторской идеи – отсутствие общего языка в процессе коммуникации, отчуждение и расчеловечивание. Обращения, намеренно грубые и унижающие адресата, проводя границу между представителями двух противоположенных социальных групп – надзирателей и заключенных, использованы Г. Яхиной преимущественно в регулятивной функции. Использование определенной формы маркированности при адресации речи и последующая ответная реакция на нее являются иллюстрацией устойчивых стереотипов поведения, принятых между членами языкового коллектива: так, демонстративность в использовании грубых и оскорбительных обращений и, с другой стороны, полное игнорирование этой грубости адресатом речи указывают на нарушение норм и даже полное отсутствие коммуникации между обитателями Острова, отрезанными от большого мира и друг от друга.

Очевидна, по нашему мнению, перспектива исследования – рассмотрение проанализированных единиц в составе конкретных речевых актов с целью описания интерперсональных отношений в рамках художественной модели мира в рассказе Г. Яхиной «Мотылёк».

#### Список источников

1. Яхина Г. Мотылёк // Нева. 2014. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2014/2/motylek-2.html> (дата обращения: 07.02.2023)

2. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
3. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, 1994. № 1/2. С. 50–73.
4. Северянин И. Громокипящий кубок // Сочинения: в 5 т.: Т. 1. СПб: Logos, 1995. 592 с.
5. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. М.: URSS, 2009. 136 с.
6. Брыкова А. А. Семантика и прагматика обращений: на материале журналов для детей 20-40-х гг. XX в. «Еж» и «Чиж»: дис. ... канд. филол. наук: СПб., 2016. 244 с.

#### References

1. Yakhina, G. (2014). *Motylek* [A Moth]. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2014/2/motylek-2.html> (accessed: 07.02.2023). (In Russian)
2. Stepanov, A. D. (2005). *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Communication Problems in Chekhov's Work]. 400 p. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)
3. Mokienko, V. M. (1994). *Russkaya brannaya leksika: tsenzurnoe i netsenzurnoe* [Russian Swear Words: Censored and Foul Language]. No. 1/2, pp. 50–73. Rusistika. Berlin. (In Russian)
4. Severyanin, I. (1995). *Gromokipyashchii kubok* [A Thunder-Boiling Cup]. *Sochineniya: v 5 tomakh*. Vol. 1. 592 p. St. Petersburg, Logos. (In Russian)
5. Gol'din, V. E. (2009). *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Vocatives: Theoretical Problems]. 136 p. Moscow, URSS. (In Russian)
6. Brykova, A. A. (2016). *Semantika i pragmatika obrashchenii: na materiale zhurnalov dlya detei 20-40-kh gg. XX v. "Ezh" i "Chizh": dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics and Pragmatics of Vocatives: Based on Magazines for Children "Ezh" and "Chizh" of the 1920s–1940s: Ph.D. Thesis]. Saint Petersburg, University of St. Petersburg, 244 p. (In Russian)

The article was submitted on 22.03.2023  
Поступила в редакцию 22.03.2023

**Салахова Айгуль Рестамовна**,  
кандидат филологических наук,  
доцент,  
Казанский федеральный университет,  
420008, Россия, Казань,  
Кремлевская, 18.  
[aygul.salahova@gmail.com](mailto:aygul.salahova@gmail.com)

**Salakhova Aygul Restamovna**,  
Ph.D. in Philology,  
Associate Professor,  
Kazan Federal University,  
18 Kremlyovskaya Str.,  
Kazan, 420008, Russian Federation.  
[aygul.salahova@gmail.com](mailto:aygul.salahova@gmail.com)